

«**Моя няня — волшебница!**» Именно в таких словах Мириам описывала появление в их жизни Луизы. Очевидно, эта женщина и впрямь обладала магической силой, потому что в один миг превратила их тесную, душную квартиру в светлую и просторную. Луиза словно раздвинула стены. Шкафы при ней стали вместительнее, ящики комодов — глубже. Она впустила в дом свет.

В первый день Мириам дала ей некоторые инструкции. Показала, как работает бытовая техника. Демонстрируя очередную шмотку, она повторяла: «Пожалуйста, будьте с ней особенно аккуратны. Я очень ее люблю». Особо упомянула коллекцию пластинок, которую собирал Поль, подчеркнув, что нельзя подпускать к ней детей. Луиза молча и послушно кивала. Она осмотрела каждую комнату с видом генерала перед решающей битвой.

За неделю-другую Луизе удалось превратить их безалаберное жилище в по-настоящему респектабельный дом. Ее старомодный, классический вкус пришелся здесь как нельзя кстати. Мириам и Полю все время

хотелось себя ущипнуть. Она пришила пуговицы ко всем рубашкам, которые месяцами валялись в шкафу, потому что им было некогда искать иголку. Подрубила юбки и брюки. Починила одежки Милы, которые Мириам приготовила было на выброс. Постирала пожелтевшие от пыли и табачного дыма шторы. Она раз в неделю меняла постельное белье. Поль и Мириам нарадоваться не могли. Поль как-то в шутку сказал Луизе, что она вылитая Мэри Поппинс. Но не был уверен, что она оценила комплимент.

Ночью супруги, лежа на свежих простынях, смеялись от радости, не веря, что у них действительно началась счастливая новая жизнь. У них было чувство, что они нашли редкостный алмаз, поймали удачу за хвост. Конечно, зарплата Луизы проделала брешь в семейном бюджете, но Поль и не думал жаловаться. За несколько недель Луиза стала им необходимой.

Вечером, когда Мириам возвращалась домой, ее ждал готовый ужин и спокойные, аккуратно причесанные дети. Луиза воплощала самые смелые мечты Мириам об идеальной семье, которые та, стыдясь про себя, всегда лелеяла. Луиза приучила Милу убирать свои вещи, и изумленные родители наблюдали, как дочка вешает свое пальто на вешалку.

Бесполезные вещи куда-то испарились. У Луизы почему-то ничего не скапливалось: ни немытая посуда, ни грязная одежда, ни почта, забытая под кипой журналов. Ничего не портилось и не пропадало. Луиза следила за всем. Луиза была скрупулезна. Она все записывала в блокнотик с обложкой в цветочек. В котором часу забрать Милу из детского сада, в какие дни отвести на

занятия танцами, когда сходить с детьми к педиатру. Тогда же она заносила названия лекарств, которые давала детям, сколько заплатила на прогулке за мороженое, что именно сказала о Миле воспитательница.

Через несколько недель она уже самостоятельно решала, где чему место. Она перетряхнула все шкафы и между вешалками с пальто развесила мешочки лаванды. Она ставила в вазы цветы. Когда Адам спал, а Мила была в саду, Луизу охватывало состояние безмятежного довольства; она садилась и наслаждалась плодами своих усилий. Притихшая квартира, полностью покоровившаяся ее власти, казалась ей врагом, смиренно молящим о пощаде.

Но самые чудесные перемены произошли на кухне. Мириам призналась Луизе, что не умеет да и не любит готовить. Теперь няня стряпала им блюда, которые Поль не уставал хвалить, а дети проглатывали в один присест и без всяких капризов, хотя никто не заставлял их «доесть все до крошки». Они снова стали приглашать друзей, которые за милую душу уписывали фрикасе из телятины, потофё, рульку с шалфеем и овощи в панировке. Они наперебой поздравляли Мириам и осыпали ее комплиментами, на что она всегда честно отвечала: «Я здесь ни при чем. Это наша няня приготовила».

Когда Мила была в детском саду, Луиза привязывала к себе Адама широким шарфом. Ей нравилось чувствовать на своем животе пухлую детскую попку, нравилось, как пахнет его слюна, стекавшая вниз по шейке, если он засыпал. Целыми днями она пела песенки этому ангелочку, восторгаясь его ленивой грацией. Она делала ему массаж, и ее распирало от гордости за его перевязочки и круглые розовые щечки. По утрам он встречал ее громким лопотанием и тянул к ней ручонки. Всего через несколько недель после появления в доме Луизы Адам научился ходить. Его стало не узнать: он больше не плакал ночи напролет, а спокойно спал до самого утра.

Мила все еще немного дичилась. Это была тоненькая девочка с осанкой балерины. Луиза делала ей такой тугий пучок, что глаза у девочки казались чуть раскосыми, вытянутыми к вискам. Такой она напоминала персонаж средневекового портрета — высокий лоб, благородный ледяной взор. Мила росла трудным ребенком, способным кого угодно вывести из терпения. Чуть что не по ней, она заливалась плачем. Могла упасть на землю

посреди улицы, колотя ногами и руками, так что Луизе приходилось, сгорая от унижения, тащить ее за собой. Если няня присаживалась на корточки, пытаясь о чем-нибудь с ней договориться, Мила демонстративно отворачивалась и принималась вслух считать бабочек на обоях. Рыдая, она не забывала посмотреть на себя в зеркало. Эта девочка была просто околдована собственным отражением. На улице она не сводила глаз с витрин и не один раз врезалась в столб или спотыкалась о выбоины на тротуаре, не в силах оторваться от самосозерцания.

Мила — хитрюга. Она понимала, что на них смотрят прохожие и что Луизе за нее стыдно. В присутствии посторонних няня уступала быстрее. Луиза специально делала крюк, лишь бы не проходить мимо магазина игрушек на проспекте, перед витриной которого Мила каждый раз устраивала истерику. По дороге в детский сад она еле волочила ноги. Могла стащить ягоду малины с лотка торговца фруктами. Залезала на приступки витрин, пряталась за выступами домов, а то вдруг удирала со всех ног. Луиза бежала за ней, толкая коляску и громко выкрикивая ее имя, пока Мила не останавливалась у самого края тротуара. Иногда девочка раскаивалась. Видя, как Луиза бледнела от страха, Мила и сама пугалась. Становилась кроткой и ласковой, говорила, что больше так не будет, прижималась к ногам няни и с плачем требовала прощения.

Постепенно Луизе удалось приручить дикарку. День за днем она рассказывала ей сказки, в которых действовали одни и те же персонажи. Сиротки, заблудившиеся девочки, томящиеся в темнице принцессы... Она описывала заброшенные замки, в которых поселились ужасные людоеды, диковинных животных, странных птиц с

кривыми клювами, однолапых медведей и печальных единорогов. Девочка сидела тихо-тихо, ловила каждое слово и без конца просила рассказать, что было дальше. Откуда у Луизы брались эти истории? Они рождались в ее сознании сами и изливались бурным потоком без малейшего усилия с ее стороны, без напряжения памяти или воображения. Из каких темных озер, затерянных во мраке непроходимых чащоб, черпала она эти жестокие сюжеты, неизменно заканчивавшиеся гибелью героя, перед смертью все-таки успевшего спасти мир?

Больше всего Мириам восхищала способность Луизы играть самозабвенно, как играют дети, наслаждаясь своим всемогуществом. Однажды, вернувшись домой, Мириам обнаружила Луизу на полу, с лицом в боевой раскраске: няня разрисовала себе лоб и щеки черными полосами. Ее голову украшал венец из перьев, сделанных из цветной бумаги. Середину гостиной занимал импровизированный вигвам, сооруженный из простыни, швабры и стула. Растерянная Мириам остановилась в дверях. Она глядела на Луизу, которая корчилась и издавала дикие вопли, и чувствовала страшную неловкость. Первым делом она подумала, что няня вдрызг пьяна. Заметив Мириам, Луиза поднялась на ноги и направилась к ней нетвердой походкой, с пылающими щеками. «Простите, у меня ноги затекли», — сказала она. Адам обхватил ее за икру, и она засмеялась смехом, еще принадлежащим тому выдуманному миру, в который увлекла их игра.

Наверное, Луиза и сама большой ребенок, успокаивала себя Мириам. Потому и игры с Милой она

воспринимает слишком всерьез. К примеру, они обо- жали играть в полицейских и воров, и Луиза позволяла запирать себя в воображаемой камере. Иногда она изо- бражала стража порядка и гонялась за Милой, каждый раз строго устанавливая, где что находится, и требуя от девочки соблюдать эту «географию». Она мастерила костюмы и сочиняла сценарий, полный неожиданных поворотов. С предельной тщательностью готовила де- корации и реквизит. Порой Мила, устав ждать, умоляла няню: «Ну хватит, давай уже играть!»

Но больше всего Луиза — о чем Мириам и не подо- зревала — обожала играть в прятки. Только в ее прятках никто не считал «до десяти», и в них вообще отсутство- вали правила. Игра всегда начиналась без предупреж- дения. Просто Луиза вдруг исчезала. Она забивалась в какой-нибудь укромный уголок и ждала, что дети будут ее искать. Чаще всего она выбирала такие места, отку- да могла за ними наблюдать. Забиралась под кровать или вставала за дверью и стояла так, замерев и почти не дыша.

Сообразив, что сейчас будет игра, Мила издавала громкий вопль и хлопала в ладоши. Повторяя за ней, то же делал и Адам. От смеха у него подгибались ноги, и он шлепался на попку, поднимался и снова шлепался. Они звали ее, но она не откликалась.

— Луиза-а! Ты где? Луиза, мы идем тебя искать!

Луиза молчала. Она не показывалась, даже когда де- ти начинали плакать, даже когда их всхлипы переходили в рыдания. Подглядывая из укрытия, она видела, как Адам, захлебываясь слезами, ложился на пол. Он не понимал, что происходит, и звал ее, глотая последний слог: «Лу! Лу-у!» Его личико, перемазанное соплями,

краснело от злости. Постепенно и Мила поддавалась страху. Она уже была готова поверить, что Луиза и правда ушла, бросила их одних в квартире, где уже сгустились сумерки, и больше не вернется. Когда страх становился нестерпимым, Мила умоляла няню: «Луиза, это не смешно! Где ты?!» Она сердилась и топала ногами. Луиза выжидала. Наблюдала за детьми как за конвульсиями только что выловленной рыбы с окровавленными жабрами, которая трепыхается на дне лодки и понапрасну хватает воздух измученным ртом, не понимая, что ей конец.

Через некоторое время Мила научилась находить места, где пряталась няня. Она сообразила, что нужно открывать двери, поднимать шторы, заглядывать под кровати. Но Луизе с ее миниатюрной фигурой ничего не стоило отыскивать все новые — она могла забраться в корзину с грязным бельем, залезть под стол Поля или в шкаф, да еще и набросить на себя одеяло. Как-то раз она спряталась в душевой кабине, а свет в ванной, конечно, не зажгла. Мила искала ее долго, но так и не нашла, и заплакала. Луизу ее рыдания не разжалобили. Детские слезы на нее не действовали.

Но в один прекрасный день Мила не стала плакать. Луиза попала в собственную ловушку. Мила молча бродила вокруг корзины с грязным бельем, где засела Луиза, притворяясь, что ни о чем не догадывается. Потом она села сверху, и Луиза почувствовала, что задыхается.

— Ну что, миримся? — прошептала девочка.

Но Луиза не желала сдаваться. Она сидела тихо, как мышка, упершись коленями в подбородок, и слушала, как маленькие ножки постукивают по стенкам плетеной корзины.

— Луиза, я же знаю, что ты там! — засмеялась Мила.

Вдруг Луиза резко выпрямилась, и Мила свалилась на пол, ударившись головой о кафельную плитку. От неожиданности она заплакала, но при виде торжествующей Луизы, воскресшей из небытия и празднующей победу, перестала реветь и затряслась в истерическом смехе. В ванную вбежал Адам и присоединился к веселью сестры и няни, которые обе хохотали как безумные, едва не давясь от смеха.